

Г. Р. Шаганова

ОБ ОБЩИХ ЭТАПАХ ЭТНОГЕНЕЗА ПО МАТЕРИАЛАМ ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу игровых мотивов русского, коми, марийского, удмуртского, мордовского и карельского народа, а также башкирского, татарского и хантыйского этноса. Рассмотрены игра «Медведь-бабушка» и детские считалки. Игра «Медведь-бабушка» показывает общность сюжета и игровой песни у удмуртов, коми, хантов, башкир и является свидетельством общего субстрата, корнями уходящего в культуру западносибирских угров первого тысячелетия нашей эры, проживавших в среднем и верхнем течении реки Оби; записанные варианты аналогичной игры у марийцев и русских объясняются этнокультурными контактами. Сопоставление материалов детских считалок позволяет сделать вывод, что они генетически связаны между собой, демонстрируя калькирование текста. Высказывается гипотеза, что «детская заумь» донесла до нас древнейшие слова молитвы и заговоров, сохранившиеся в начале и в конце текста. В совокупности, наши материалы позволяют утверждать, что игровой фольклор и игровая культура обладают распространением в рамках отдельного ареала, показывающего культурные контакты и направления миграций отдельных групп.

Ключевые слова: игра «Медведь-бабушка», считалки, игровая культура, семантика, ритуал, этнокультурные контакты народов Поволжья и Приуралья.

Материалы ареального распространения фольклора – важный источник по истории человеческого общества. Результаты ареального распространения фольклора с опорой на выводы археологии, лингвистики, этнографии, а в ряде случаев и на новейшие достижения генетиков позволяют определить основные направления этнокультурных контактов, миграций этносов. Родоначальником нового направления в изучении мифологии и фольклора является доктор исторических наук Юрий Евгеньевич Березкин, анализирующий мировую мифологию в масштабах Земного шара. (Березкин, 2011; 2015; 2017 и др.).

Сравнительно-исторический анализ игровой культуры народов Поволжья и Приуралья, а именно: русских, татар, башкир, удмуртов, коми, мари, мордвы, хантов проводится с целью выявления направления этнокультурных контактов и ареалов распространения культур. Приведенные ниже несколько игровых мотивов взяты исключительно потому, что показывают примеры калькирования материала, которые нельзя считать случайным совпадением.

Источниковой базой послужили полевые материалы автора по башкирам, татарам и марийцам Республики Башкортостан, опубликованные сборники игр народов Поволжья и Приуралья, сборники детского и народного фольклора, как на русском, так и на других языках народов страны. Репрезентативность материала различна, поэтому в ряде случаев мною были использованы сведения, полученные при личной консультации, в частности с М. А. Ключевой, специалистом по марийским играм и А. Н. Рассыхаевым, специалистом по удмуртским играм и фольклору, за что приношу им большую благодарность.

Игра «Медведь-бабушка»

У детей коми и удмуртов есть оригинальная игра, которая именуется «Ошкӧ-бабӧ» («Медведь-бабушка»).

Дети играют в доме или на улице, один из них выбирается бабушкой, дети его дразнят, приговаривая:

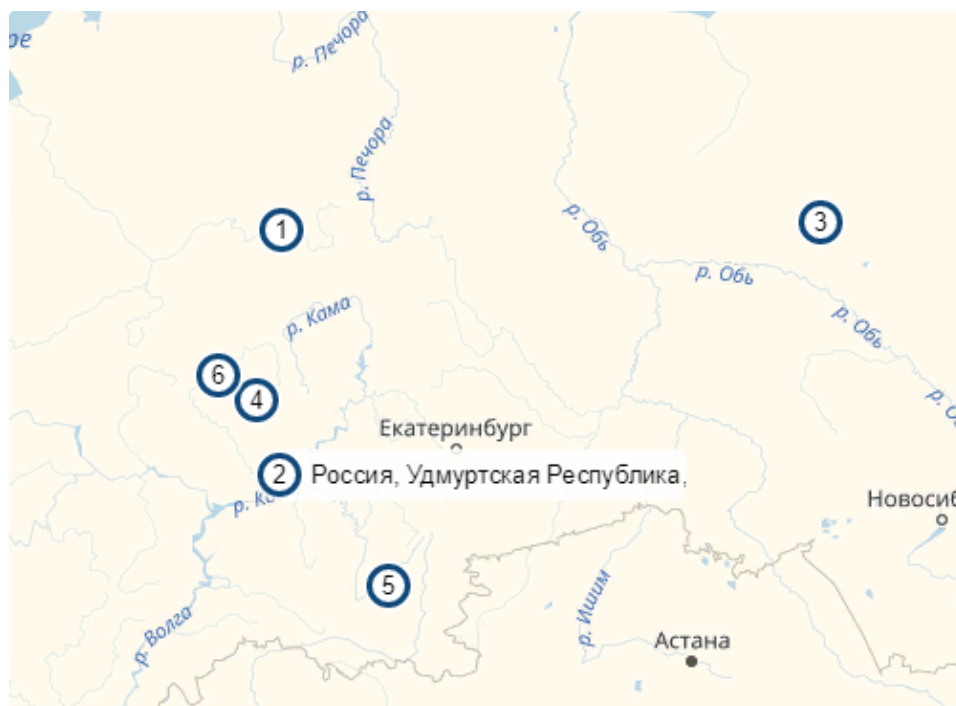

Рис. 1. Игра «Медведь-бабушка».

1 – коми; 2 – удмурты; 3 – ханты; 4 – мари; 5 – башкиры; 6 – русские

Ошкӧ-бабӧ, ошкӧ-бабӧ,
Пувтӧ босьтӧм,
Бур вотӧссӧ ӧктӧм,
Лӧк вотӧссӧ чӧвтӧм.

'Бабушка-медведь,
Бруснику собрали,
Хорошую ягоду собрали,
Плохую ягоду оставили'
(Рассыхаев, 2014: 92–93).

Удмурты:

Ягоды собираю,
Черного волка вижу,
Слома голову в лес убегаю.
Узы боры ягода,
Медведь, ты меня поймаешь ли?
(Долганова, 1981: 56).

Записана она и у хантов.

Ханты. «Другую оригинальную игру с бегом мы записали в пос. Старый Аган (сургутские ханты). Она называлась там «Медведь и ягодники» (Пупи панэ вонтье ях). В игре участвовали мальчики и девочки. Она обычно проводилась на песчаном берегу реки. Для игры чертили на песке игровую площадку, прямоугольной формы. Ее длина была равна 15 м, ширина 7–10 м. В центре проводили линию, разделяющую площадку на две половины. На одной половине площадки сидел «медведь»-водящий, которого выбирали с помощью считалки в начале игры. Дети – «ягодники» заходили на половину «медведя» и имитировали сбор ягод (собирали камешки, ракушки). «Медведь» неожиданно вскакивал и старался схватить кого-либо из игроков-«ягодников», которые старались увернуться от него и убежать за среднюю линию на свою половину площадки. Если ему (водящему) удавалось поймать кого-либо из игроков-«ягодников», то этот игрок становился «медведем»-водящим, а водящий становился ягодником. Если же водящему не удавалось поймать никого из игроков, то он снова садился на свое место (на своей половине площадки), а игроки подходили к нему и начинали «собирать ягоды», и игра продолжалась вновь.» (Красильников, 2002: 33)

У русских об этой игре писал Е. А. Покровский.

«У медведя на бору (Вятск. губ.). Игра очень похожа на предыдущую. Один изображает медведя, а другие идут к нему в бор за грибами и ягодами и припевают.

У медведя на бору
Грибы, ягоды беру!
Медведь постыл
На печи застыл

При этих словах медведь, до сих пор как будто дремавший, тихо ворочается, потягивается и как будто не охотно идет на детей, которые между тем быстро бросаются от него в стороны. Затем медведь, все более и более раздражаемый песней детей, бежит за ними и кого-нибудь ловит» (Покровский, 1895: 172–173).

Исследовательница **марийских** игр М. А. Ключева пишет следующее.

«Сидящий – медведь – словно бы спит, сидя на корточках. Игроки бегают вокруг него и напевают: «У медведя во бору, грибы-ягоды беру. А медведь не спит, все на нас глядит». Тут медведь начинает догонять разбегающихся игроков» (Ключева, 2012: 77).

И, наконец, у **башкирских** детей на юго-востоке республики есть игра, именуемая Мэскэй-эби, которую можно перевести как Бабка-обжора.

Одна из девочек выбиралась Бабой Ягой. Надо сказать, что облик ее представлялся пугающим – она лохматая, косматая, волосы спутаны, не расчесаны, одежда грязная и так далее. *Мэскэй-эбей* притворяется спящей у себя дома, а остальные дети, имитируя сбор ягод, поют песню:

Бында еләк күп икән,
Айыу-бүре юк икән.

'Оказывается, здесь ягод много,
Медведей, волков не видно'

Бросается в глаза отсутствие подобной игры у мордвы и чувашей; В. Мальми, делая подробное описание игровой культуры карелов, интересующую нас игру не опубликовала. Мы полагаем, что речь не идет о неполноте данных или отсутствии публикаций, скорее всего, «Медведушка» изначально не была в репертуаре у чувашей, мордвы и карел, и, как было сказано выше, у марийцев.

Легко заметить, что в игре главным действующим лицом является медведь, который не проявляет активности до определенного времени. Игровой припев во всех примерах имеет две детали, позволяющие утверждать их общность: главный персонаж медведь (медведица?), и дети собирают в лесу ягоды. У башкир игра называется Мэскэй-эби, то есть Бабка-обжора, но, тем не менее, речь идет о медведях и ягодах. В приведенных текстах налицо калькирование фольклора.

Возникает вопрос, чем объясняется не просто сходство, а совпадение деталей игры у русских, башкир, хантов, коми, удмуртов, марийцев? На наш взгляд, единого ответа нет. Наличие игры у хантов, коми, удмуртов и башкир объясняется общими этапами этногенеза в истории, историческими связями, имевшими место в далеком прошлом. Некоторое недоумение вызывает наличие игры у юго-восточных башкир, но известно, что в этногенезе именно этой группы башкир принимали участие угорские племена. Известный башкирский ученый Р. Г. Кузеев еще в середине XX в. отмечал наличие древних связей между предками угров и башкир где-то в районе Западной Сибири. «Речь, видимо, идет в основном о тесных исторических (территориальных) контактах предков башкир и угров... В одном из районов Западной Сибири, по верхнему и среднему течению р. Оби, часть угров (предков хантов и манси) и древние башкиры получили, очевидно, в конце I тыс. н.э. общее название «остяк» или в башкирском варианте «истяк», «иштяк». (Кузеев, 1968: 247).

Что же касается русского варианта, то он был записан Е. Покровским, в Вятской губернии, то есть в контактной с финно-угорскими племенами зоне: здесь на рубеже первого и второго тысячелетия жили финно-угорские племена, впоследствии ассимилированные русскими. Материалы археологии об этом свидетельствуют недвусмысленно: «Средняя Вятка, начала заселяться славянами и ослабленными финнами во второй половине XII – начале XIII в. Вместе с колонистами удмурты составляли население Никулицынской и Котельничской волостей, а их племенная верхушка наряду с русским руководством стала основой вятского боярства.» (Макаров, 2006: 28–29).

У марийцев игра зафиксирована на северо-востоке республики Мари Эл, то есть в контактной зоне марийцев и удмуртов. Удмуртские археологи пришли к выводу, что «проживавшее здесь издревле удмуртское население на рубеже I–II тыс. н.э. испытало мощное давление с севера и северо-запада русских, с юго-запада – марийцев, а с юга – болгар, а позже – татар и в результате стало отходить на восток. (Голдина, 2015: 75) На первый взгляд вполне логично предположить: контактная зона марийцев и удмуртов привела к появлению игры у марийских детей. Но отношения между марийцами и удмуртами на этой территории отнюдь не были простыми, этнокультурные контакты не способствовали заимствованию забав и развлечений. К тому же, М. Ключева, автор сборника по марийским играм, в устной беседе заметила, что игра более у марийцев нигде не встречается, по ее мнению, она не характерна и вряд ли может считаться оригинальной для марийцев. По ее мнению, судя по дате рождения информатора – 1992 г. – мы имеем дела с реверсным проникновением игры из книжной литературы (в садиках, школах) в народ.

Можно утверждать, как минимум, в конце I тыс. н.э. ритуал, из которого произошла игра, уже была в культуре древних угров. Последовавшие затем известные события геополитического масштаба привели к значительной подвижке населения в Поволжье и Приуралье: предки хантов и башкир были сдвинуты к северу, некая часть этих племен – возможно, речь идет и об этнокультурной общности – приняла участие в этногенезе удмуртов и коми. В свете сказанного получает объяснение отсутствие в культуре мордвы, мари, чувашей игры «Медведь-бабушка»: ритуал, дошедший до нас в игре, результат более поздних этапов этногенеза, когда культура марийцев, мордвы, а также тюркоязычных чувашей, уже сложилась, а западно-сибирский, угорский субстрат принял участие в формировании только определенной части удмуртов, коми, хантов и башкир.

Сюжет игры любопытен и с точки зрения семантики. Дети собирают ягоды, дразнят медведя и поют песню, и только потом, якобы проснувшись, медведь нападает на детей и начинает их по одному ловить. Если вдуматься в сюжет, то видно, что действия игроков не логичны, они не просто тихо собирают дары леса, но и дразнят его хозяина. В лице медведя действительно необходимо видеть хозяина леса, тотема, который не нападает на людей, не вмешивается в их жизнь до поры до времени. Возможно, за сбор даров леса ему требуется жертвоприношение – явление не столь уж редкое и в наши дни. Поскольку сегодня в игре принимают участие девочки и мальчики, постольку и обряд вряд ли был исключительно женским; но, все же, учитывая, что собирательство было женским занятием, не удивительно, что в ряде случаев, например, у башкир – игра воспринимается как девичья. Таким образом, в игре до нас дошли следы древнего угорского, скорее всего, женского обряда умилоствления духов леса.

Считалки в играх детей

Как известно, считалками называют особый жанр детского фольклора, которые имеют четкую ритмическую структуру, нередко в шутливой форме. Родоначальником изучения жанра детских считалок можно считать доктора Е. А. Покровского, который в своем капитальном труде выделил особую главу «Жребии и наказания» (Покровский, 1895: 52–63). Несмотря на то, что исследования по играм не имеют такого справочника как указатели по сказкам

С. Томпсона или А. Аарне, исследователи давно заметили: игровая культура одного этноса имеет параллели в других традициях, причем традиции не всегда и близкородственные по языку, культуре и происхождению. Данный факт исследователи не могли оставить без внимания, к примеру, еще в 70-х гг. XX в. И. Самбу констатировал его в своих работах (Самбу, 1978). Из современных исследователей можно назвать М. А. Ключеву, предметом исследования которой является лексика в играх народов Поволжья и Приуралья (Ключева, 2013). Но сказанное не означает масштабность сравнительно-сопоставительного анализа игрового фольклора, речь идет о локальных исследованиях и публикациях. Между тем, фольклор в играх может выступать историческим источником для исторической реконструкции, свидетельствующим об историко-культурных и этнокультурных контактах и связях народов Евразии. Анализ игровой культуры евразийских народов, проведенный автором ранее, позволяет утверждать, что мы имеем дело с материалом, уходящий корнями в древнюю эпоху. Игра оказалась чрезвычайно консервативным элементом культуры, в которой устойчиво сохранились, даже будучи не понятными, древние формы заговоров, представлений, целые сцены обрядовых действий и пр. (Шагапова, 2010: 19–33).

Большой пласт в считалках составляет так называемая детская заумь, вот о ней и пойдет ниже речь. Во всех работах, посвященных детскому фольклору, заумь классифицируется как игра слов и звуков. Действительно, при анализе текстов в рамках одного этноса или группы близкородственных этносов, так оно и есть на первый взгляд. Эти слова непереводимы, не понимаемы, существуют в языке независимо от взрослых на протяжении как минимум нескольких поколений. Но мы выдвигаем гипотезу, что игровой зачин имеет другое содержание, смысловое значение которого утрачено. Постараемся доказать наше утверждение.

Ниже приведены примеры по считалкам. Для начала приведем **башкирский** вариант с переводом, где очевидна бессмысленность текста.

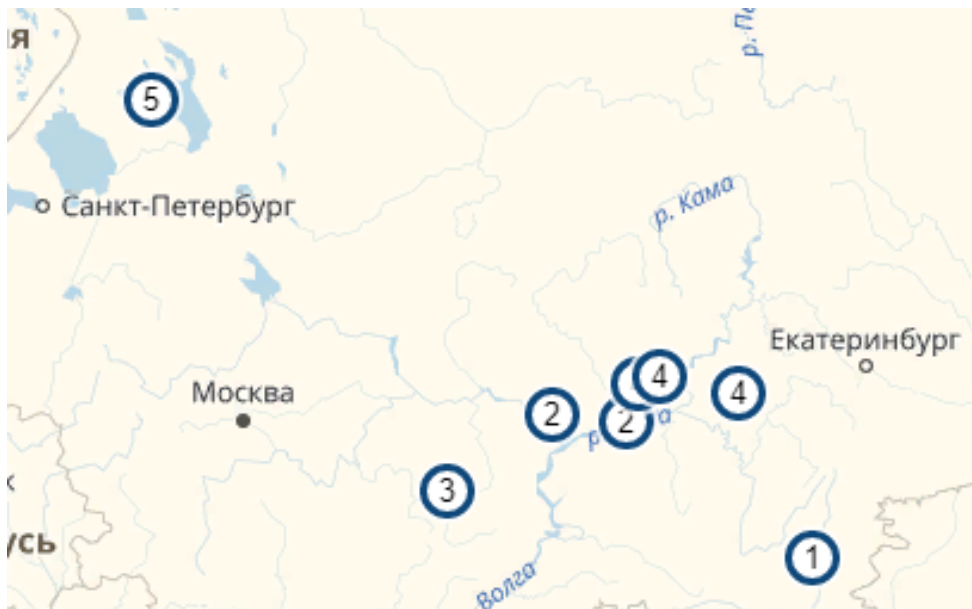

Рис. 2. Считалка «Аладан-баладан...»
1 – башкиры; 2 – татары; 3 – мордва; 4 – удмурты; 5 – карелы

Аладан, баладан,
Куян йөрөй даланан.
Алдат, балдат,
Веселый халдат!

'Аладан, баладан,
Заяц ходит по полю.
Алдат, балдат,
Веселый солдат!
(Полевые материалы автора, 1994).

Р. Ягафаровым приведены такие **татарские** считалки.

Алатыр, мулатыр,
Тау ягыннан таңатыр,
Татарский, мирский...
Ялтан, ялпак,
Куян!
'Алатыр, мулатыр,
Со стороны горы будет рассвет,

Чистай чигәнәк
Алабуга бигәнәк,
Чистый чиганак
Окунь биганак
Татарский, мирский
Ялтан, ялпак,
Заяц.
(Ягафаров, 2007: 143).

Аладан, болдан,
Песи бара елгадан,
Песитүгел, атак аз,
Атказныңбашы таз

'Аладан, боладан,
Кошка плывет по реке.
Нет, это не кошка, а гусак,
А голова у гусака лыса.'
(Ягафаров, 2007: 144).

Два примера из игр **мордовских** детей.

А радан, барадан,
Мецтемеялгдан,
Шилка-колка,
Перепёлка.
Дыка, дрова,
Мака, крёст.
(Устное поэтическое творчество
мордовского народа, 1978: 147).

Алыинда, тупыинда,
Миколок, коколок,
Кудя пря подков,
Подырман.
(Устное поэтическое творчество
мордовского народа, 1978: 147).

Удмурты

Алайдым-былайдым,
Чермыштым-кормыштым,
Бемко-жемко, чечерник-печерник,
Клоу-лач!
(Долганова, 1981: 111).

В данном примере не исключен вариант заимствования ее удмуртами у башкир, так как считалка записана Л. Н. Долгановой в Татышлинском районе Республики Башкортостан. Но, автором записаны и аналогичные варианты в Можгинском и Малопургинском районах Удмуртской Республики.

Алаката-балаката
Туктым, тактым
Пермак-кочобыш,
Каҷуж!
(Долганова, 1981: 111–112).

Карелы

Шаланды, баланды,
По кусту, по мосту,
По лебежьей горы,
По чужой стороны,
Там чашки, орешки,
Медок, сахарок –
Поди вон, королек!
(Мальми, 1987: 21).

Легко заметить, что первая фраза – 'аладан баладан' повторяется в различных вариациях. Рассмотрим другую считалку, с не менее бессмысленным набором слов.

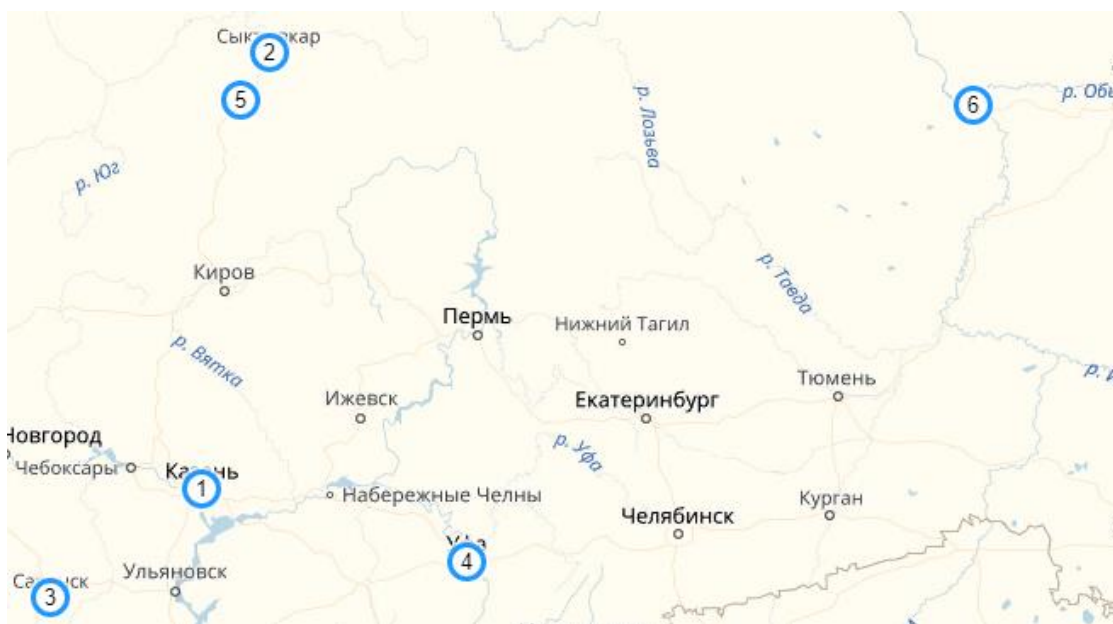

Рис. 3. Считалка «Акты, пакты...»

1 – татары; 2 – коми; 3 – мордва; 4 – марийцы (записано в Уфе); 5 – удмурты; 6 – ханты

Татары

Акты, пакты,
Чүктеме,
Абель, фабель,
Даймане.
(Ягафаров, 2007: 142).

Коми

Акато-макато,
Чукортома,
Абуль-бабуль
Домама
(Рочев, 1969: 149).

Имеются примеры из **мордовского и марийского** фольклора, немало из **удмуртского** фольклора, есть примеры из фольклора **коми**.

Мордва

Экта, пекта, чуктанэ
Абыль, фабыль, доманне,
Экс, пекс, пуля пекс,
Наволь!
(Устное поэтическое творчество
мордовского народа, 1978: 148).

Акита-бакита,
Чукотанэ,
Абель – фабель,
Ики-бики,
Грамматики,
Клёмкс.
(Устное поэтическое творчество
мордовского народа, 1978: 148).

Пета-лата,
Иглас-миглас,
Котки-колодки
С места, с травы,
Лебедь, здёп!
(Брыжинский, 2009: 38–39).

Пета-лата,
Иглас-миглас,
Котки-колодки,
С места, травы,
Лебедь, здёп!
(Брыжинский, 2009: 38–39).

Марийцы

Экете, бекете, чукете, ме,
Амбль, фамбль, думане,
Крекс, пекс,
Чукернау, бумс!
(Ключева, 2013: 29).
(Текст записан в г. Уфа).

Удмурты

Ыкыты-пыкыты, чукыты-мы,
Абыль-бабыль, ды-мы-ны,
Ики-пики, грамматики,
Шлеус!
(Долганова, 1981: 117).

Коми

Экетэ-пекетэ, чукетэ-мэ,
Абыль-фабель, дай монэ,
Экс-пекс, пуля, пух,

Акөте-макөте,
Чукөтэли,
Абуль-фабуль,
Румане,
Чики-брики,
Грамотики.
Врунька.
(Рассыхаев, 2014: 117–118).

Öкөтö, пökөтö,
Чукöта, ма,
Авуль, пауль,
Дай мена,
Öкыс, пökыс,
Ук, мук,
Наур!
(Рассыхаев, 2014: 147).

Пукотомо, кабыр, чабыр,
Дай мана,
Экс, пекс,
Тумя, пуля,
На ур!
(Рочев, 1969: 102–103).

В считалке коми, созвучной приведенным выше, наблюдается совпадение слов и их последовательность со считалками удмуртов, что, впрочем, не удивляет, учитывая общность ряда этапов этногенеза удмуртов и коми.

Почти такую же приводит и Рассыхаев.

Чем-то неуловимым похож пересчет детей **хантов**, остается сожалеть, что автором ставилась цель сбора игр, но не игрового фольклора.

Тьэкэли-пукэли.
Талу пева.
Вотэнкэси. Кутэнкэси.
Тетьярина-мутярина.
Телан-Тюк!
(Красильников, 2002: 49).

Имеется в наших материалах единичный пример необычного калькирования текста в культурах, отстоящих друг от друга на расстоянии несколько тысяч километров: в первом случае считалка **башкирских** детей, записанная нами в 2012 г. в башкирской деревне (Республика Башкортостан, Баймакский р-н, д. Юлуково), а вторая принадлежит **карельским** детям, и опубликована В. Мальми в 1987 г. Возможно, такая считалка встречается и у других народов, но пока нам не найдена.

Ани-мани, тракатани,
Сахар –махар, помидор.
(Полевые материалы автора, 2008.
Респ. Башкортостан).

Ани-мани, кампатури,
Сахар-макар-помидор,
Уп-суп, пряник, квас
(Мальми, 1987: 21).

Мы привели примеры и провели сравнительно-сопоставительный анализ игрового фольклора и игр финно-угорских, тюркских народов и русского этноса. Все приведенные выше материалы записаны в разное время; записаны исследователями, независимыми друг от друга, отстоящими друг от друга на сотни километров. Хорошо видно, что совпадения в считалках значительны, и вряд ли их можно считать случайным. Анализируются слова, рифмы, к примеру, в литературе есть попытки связать слова, встречающиеся в русских считалках, с латинскими молитвами и учебниками, но нам представляется это не совсем правильным (Топорков, 2005: 354–355). Если такое заимствование еще как-то можно объяснить в русский язык, то как оно попало в финно-угорские, тюркские языки? Только ли это этнокультурные контакты? Также существует мнение, что в считалках до нас дошел тайный язык охотников (Аникин, 1987: 577–579).

Но почему только охотников, если аналогичные считалки известны земледельцам и скотоводам? Более рациональным выглядит объяснение Г. С. Виноградова, а также Н. Б. Мечковской, которые видят в них заговорные формулы, правда, более позднего включения. (Виноградов, 1930: 79; Мечковская, 2007: 371).

Обратимся к другим исследованиям на эту тему. В работе И. Г. Галяутдинова мы читаем: «... Такие виды считалок не состоят из каких-то неизвестных и бессмысленных сочетаний слов. В их основе лежат древнейшие явления нашего языка». Автор приводит примеры, отсылающие нас к истории тюркских языков, в частности слово «каляман» ... «означает 20-30-40-50 десятков чисел букв *к, л, м, н* и они в целом называются каляман» (Галяутдинов, 1995: 234). Далее он пишет, что словосочетание *алат-болат*, или *эсэкэн, бесекэн* означает *делай так, делай сяк*.

Автор говорит и о заимствованиях в башкирских считалках из других языков, в частности из русского и башкирского (Галяутдинов, 1995: 235). Соглашаясь с автором, надо отметить, что такое объяснение, если и раскрывает некоторые неясности для башкирских и татарских – шире тюркских языков, но не отвечает на вопрос: «Чем объяснить совпадения в более широком культурном поле?»

На наш взгляд вопрос надо ставить шире. В считалках и играх сохраняются не просто особенности древнетюркского языка, можно говорить о сохранности заклинательных формул на некоем общем языке для финно-угорских, тюркских народов, а, возможно, и славянских этносов. Возможно, до нас дошли древнейшие слова их молитвы, заговора, в которой просили богов о милости: «*Сделай так-то, сделай вот так-то*», а в конце идет заключительное слово «*клёц!*», «*бац!*», которое можно ассоциировать со словом типа «*аминь*». Обратите внимание на то, что многие считалки заканчиваются словами, в конце которого стоит звук *С* или *Ц*.

Подведем итоги. Сравнительный анализ совокупности игровых сюжетов и игрового фольклора показывает, что в культуре хантов, удмуртов, коми, башкир имеются общие черты, которые можно объяснить наличием общего субстрата. С другой стороны, сходство объясняется географической близостью этносов и культур. Этнокультурные контакты первого тысячелетия удмуртов и русских привели к заимствованию последними игры Медведь-бабушка. Глобализация и интернационализация культуры в XX столетии обусловили реверсное движение этой же игры в марийскую среду. Игровая культура обладает распределением в рамках отдельного ареала, показывающего культурные контакты и миграции.

Список литературы:

- Аникин В. П. Русское устное народное творчество. – М.: Высш. школа, 2004. – 735 с.
- Березкин Ю. Е. О мифологии // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 4. – С. 5–12.
- Березкин Ю. Е. «Семеро братьев, «небесная повозка» и прародина индоевропейцев // Этнографическое обозрение. – 2015. – № 3. – С. 3–14.
- Березкин Ю. Е. Мифы заселяют Америку // Сибирь и первые американцы. – СПб., 2011. – С. 69–105.
- Брыжинский В. С. Мордовские народные игры. – Саранск, 2009. (на мордов.-эрзя, рус. яз).
- Виноградов Г. С. Русский детский фольклор. – Кн.1 – Иркутск, 1930.
- Галяутдинов И. Г. Поиграем вместе, друзья! (на башк. яз.). – Уфа, 1995.
- Голдина Р. Д. К дискуссии об исторических судьбах пермских народов и роли археологии в их изучении // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2015. – Т. 25, вып. 1. – С. 75–84.
- Ключева М. А. Марийская лексика игр с костями и деревяшками (в тюркском, русском и финно-угорском контексте) // Урало-алтайские исследования. – 2013. – № 1. – С. 99–114.
- Ключева М. А. Народные подвижные детские игры: современный фольклорный сборник. – Йошкар-Ола, 2012.
- Красильников В. П. Игры и состязания в традиционном физическом воспитании хантов. – Екатеринбург, 2002.
- Кузеев Р. Г. К этнической истории башкир в конце I – начале II тысячелетий н.э. // АЭБ. – Т. 3. – Уфа, 1968.
- Макаров Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV веках: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Ижевск, 2006.
- Мальми В. Народные игры Карелии. – Петрозаводск, 1987.
- Мечковская Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура: Курс лекций. – 2-е изд. М., Издат. центр Академия, 2007. – 432 с.
- Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские... – М., 1895.
- Полевые материалы автора. Республика Башкортостан. 1994–2012 гг.
- Рассыхаев А. Н. Детский игровой фольклор Коми: жанровый аспект. – Сыктывкар, 2014.
- Рочев Ю. Г. Детские песенки и сказки. – Сыктывкар, 1969. (на коми яз.)
- Самбу И. Тувинские народные игры. – Кызыл, 1978.
- Топорков А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика. – М.: Индрик, 2005. – 480 с.
- Удмуртский фольклор: песенки, потешки, считалки, дразнилки: Сост. Л. Н. Долганова. – Ижевск, 1981.
- Устное поэтическое творчество мордовского народа. – Т. 8: Детский фольклор. – Саранск, 1978.
- Шагапова Г. Р. Семантика игровой культуры башкирского этноса. – Уфа, 2010.
- Ягафаров Р. Ф. Татарский детский фольклор. – Казань, 2007.

Шагапова Г. Р., кандидат исторических наук, доцент, ведущий сотрудник Научно-образовательного центра «История башкирского народа» Института истории и государственного управления.

Башкирский государственный университет, Институт истории и государственного управления.

Ул. К. Маркса, 3/4, Уфа, Республика Башкортостан, Россия, 450076.

E-mail: shagapovanfbgu@mail.ru

Материал поступил в редакцию 20 января 2018 г.

G. R. Shagapova

ABOUT THE GENERAL STAGES OF ETHNOGENESIS BASED ON GAMING CULTURE OF THE PEOPLES OF VOLGA AND URAL REGIONS

The article contains the comparative analysis of gaming motives of the Russian, Komi, Mari, Udmurt, Mordovian and Karelian people, and the as Bashkir, Tatar and Khanty ethnos. The consideration is based on the game "Bear-grandma" and the children's rhymes. The game "Bear-grandma" shows the commonality of the plot and the game songs in the Udmurt, Komi, Khanty, Bashkir and is evidence of a common substrate, rooted in the culture of Western Siberian Ugric peoples of the first Millennium A.D., who lived in the middle and upper reaches of the Ob river; recorded versions of a similar game in Mari and Russian explained ethno-cultural contacts. The comparison of the materials of children's readers allows us to conclude that they are genetically related, demonstrating the calculation of the text. It is hypothesized that "children's zaum" brought to us the oldest words of prayer and conspiracy, preserved

at the beginning and end of the text. These materials allow us to assert that the game folklore and gaming culture widespread in the borders of specific areal

Key words: *rhymes, gaming culture, semantics, ritual, ethno-cultural contacts of the peoples of Volga and Ural regions.*

References:

- Anikin V. P. Russkoe ustnoe narodnoe tvorчество. – M.: Vyssh. shkola, 2004. – 735 s. (in Russian)
- Berezkin Yu. E. O mifologii // Ehtnograficheskoe obozrenie. – 2017. – № 4. – S. 5–12. (in Russian)
- Berezkin Yu. E. «Semero brat'ev, «nebesnaya povozka» i prarodina indoevropejcev // Ehtnograficheskoe obozrenie. – 2015. – № 3. – P. 3–14. (in Russian)
- Berezkin Yu. E. Mify zaselyayut Ameriku // Sibir' i pervye amerikancy. – SPb., 2011. – P. 69–105. (in Russian)
- Bryzhinskij V. S. Mordovian folk games. – Saransk, 2009. (na mordov.-ehrzya, rus. yaz).
- Vinogradov G. S. Russkij detskij fol'klor. – Kn. 1. – Irkutsk, 1930. (in Russian)
- Galayutdinov I. G. Ujnajyk duthtar, bergelap [Friends, Let's Play Together]. – Ufa: Bashkir publishing house, 1979. – 68 s. (in bashkir).
- Goldina R. D. To a discussion about the historical destinies of the Perm peoples and the role of archeology in their study // Bulletin of the Udmurt University. History and philology. – 2015. – Vol. 25, vip. 1. – P. 75–84. [Goldina R. D. K disskusii ob istoricheskikh sudbah permskikh narodov i roli arheologii v ih izuchenii // Vestnik Ulmurt'skogo universiteta. Istoria i vilologija. – 2015. – T. 8, № 1. – P. 75–84]. (in Russian)
- Klyucheva M. A. [Mari terms of games with bones, sticks and pieces of wood] (in the Turkic, Russian and Finno-Ugric context). – Uralo-altaiskie issledovaniya. – 2013. – № 1 (8). – P. 99–114. (in Russian)
- Klyucheva M. A. [National outdoor kids games: modern folklore collection]. Narodnye podvizhnye detskie gry: sovremennyj fol'klornyj sbornik. – Joshkar-Ola, 2012.
- Krasilnikov V. P. [Games and competitions in traditional physical education of the Khanty] Igy i sostyazaniya v tradicionnom fizicheskom vospitanii hantov. – Ekaterinburg, 2002.
- Kuzeev R. G. [Ethnic history of the Bashkirs in the late I – early II millennia BC] K ehtnicheskoj istorii bashkir v konce I – nachale II tysyacheletij n.eh. // AEHB. – T. 3. – Ufa, 1968.
- Makarov L. D. [The ancient population of the Kama region in the X–XV centuries] Drevnerusskoe naselenie Prikam'ya v X–XV vekah: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. – Izhevsk, 2006. (in Russian)
- Malmi V. [National games of the Republic of Karelia] Narodnye igry Karelii. – Petrozavodsk, 1987.
- Mechkovskaya N. B. Semiotika. [Yazyk. Priroda. Kul'tura: Kurs lekciij]. – 2-e izd. – M., Izdat. centr Akademiya, 2007. – 432 s. (in Russian)
- Pokrovskij E. A. [Children's games, mostly Russian] Detskie igry, preimushchestvenno russkie... – M., 1895.
- Field materials of the author. Republic of Bashkortostan] Polevye materialy avtora. Respublika Bashkortostan, 1994–2012 gg.
- Rassykhaev A. N. [Children's games of Komi folklore: the genre aspect] Detskij igrovoj folklore komi: zhanrovij aspekt. – Syktyvkar, 2014. (in Russian)
- Rochev Yu. G. [Nursery rhymes and fairy tales] Detskie pesenki i skazki. – Syktyvkar, 1969. (na komi yaz)
- Sambu I. [Tuvan national games] Tuvinskie narodnye igry. – Kyzyl, 1978.
- Toporkov A. L. Zagovory v russkoj rukopisnoj tradicii XV–XIX vv.: Istoriya, simbolika, poehtika. – M.: Indrik, 2005. – 480 s. (in Russian)
- Udmurtskij fol'klor: pesenki, poteshki, schitalki, draznilki / Sost. L. N. Dolganova. – Izhevsk, 1981. (in Russian)
- Ustnoe poehticheskoe tvorчество mordov'skogo naroda. – T. 8. Children's folklore Detskij fol'klor. – Saransk, 1978. (in Russian)
- Shagapova G. R. The Semantics game culture of the Bashkir ethnic group. – Ufa, 2010. (in Russian)
- Yagafarov R. F. [Tatar children's folklore]. Tatarskij detskij fol'klor. – Kazan', 2007. (in Russian)

Shagapova G. R., Candidate of Historical Sciences, associate Professor, senior researcher of Scientific-educational center "History of Bashkir people", Institute of history and state governance.

Bashkir State University, Institute of History and State Governance.

Ul. K. Marx, 3/4, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia, 450076.

E-mail: shagapovanfbgu@mail.ru